

Катерина Файн

Экстренная связь с машинистом
пьеса в одном действии

Санкт-Петербург, 2005

katfine@yandex.ru
<http://katfine.narod.ru>
+7-911-161-65-62

Действующие лица:

ГЕНА СОВКОВ – художник-неудачник, идеалист, романтик, безвольный, мягкий, уступчивый человек. Родом из маленького провинциального городка. Приехал в Петербург, учился, женился на поэтессе Леночке Овечкиной. Развелся. В одно прекрасное утро решает вернуться к себе домой

ЛЕНОЧКА ОВЕЧКИНА – бывшая жена Совкова, в прошлом – поэтесса. Ныне – проводница поезда. Капризна, эгоистична, самодостаточна

АЛИСА Ю – молодая модная девушка без определенного рода занятий. Хиппи, оторва. Любит путешествия, приключения, астрологию, чужих мужей и азартные игры. Невероятно везучая в казино, ставит на цифру «3». Носит в рюкзаке ноутбук

МИША – машинист поезда, недолгий муж Леночки Овечкиной, приятель Алисы

В пьесе могут звучать песни: «Поезд», «Проводница» Андрея Макаревича, «Ах, Алиса!» группы «Секрет» и «Мчится поезд» группы «Воскресенье»

Вагон поезда дальнего следования. Звучит песня «Проводница». Двери купе открываются, и мы видим проводницу Леночку. Она застилает нижние полки, сверху сажает двух одинаковых плюшевых кошек, поправляет шторы, сметает со стола. Потом садится, достает косметичку, начинает прихорашиваться – подкрашивает глаза, губы и т.д. Появляется Гена Совков, на плече у него дорожная сумка. Робко стучит в дверь.

Л е н о ч к а (*несколько театрально*). Н-да-да... (*после паузы, оборачиваясь, удивленно осматривая Совкова с головы до ног*). Фантастика!.. А впрочем, где-то я читала: в первые дни после развода людей обычно тянет... Наверное, сказывается многолетняя привычка ежедневно мозолить друг другу глаза... Ты что, Совков, пришел меня проводить?! А, может, у тебя любовный рецидив?

С о в к о в. Я, видишь ли...

Л е н о ч к а (*перебивая*). Как это благородно с твоей стороны! Надеюсь, ты не сильно мучаешься? Чувственные натуры склонны драматизировать обстоятельства! (*показывая на сумку Совкова*). А что это у тебя в сумке? Картины?

С о в к о в. Вообще-то, отвечать я не обязан, поскольку вот уже двадцать девять дней моя личная жизнь не имеет к тебе никакого отношения.

Л е н о ч к а. Разве? А мне казалось... мы остались друзьями.

С о в к о в. Ну, хорошо... Я уезжаю.

Л е н о ч к а. Что?! Куда это?

С о в к о в. Сначала в Москву, потом – домой. Устал я.

Л е н о ч к а. Да? От чего, интересно? «Девятый вал» писал?

С о в к о в. Я понимаю твой юмор.

Л е н о ч к а (*миролюбиво*). Ладно. У тебя что, и билет есть?

С о в к о в. Нет.

Л е н о ч к а. В таком случае, не знаю, на что ты рассчитываешь! На меня?

С о в к о в. Но ведь ты говорила, мы друзья!

Л е н о ч к а. Потрясающе! Ну, а если ревизия? Представляешь, что будет?!

Высадят тебя на первой же станции, а мне – выговор.

С о в к о в. Ничего не будет. В твоём вагоне и пассажиров-то нет.

Л е н о ч к а. Что-то ты осмелел, Совков. Приступ храбрости? Раньше ты за моей спиной отсиживался, а теперь ехать на ней хочешь?

С о в к о в. А что мне делать?!

Л е н о ч к а. Понятия не имею.

С о в к о в. Лен, ну придумай что-нибудь, а? Не могу я здесь больше, не могу.

Мне ведь сон был. Вещий. С четверга на пятницу.

Л е н о ч к а. Хочешь бежать, да? Опять сны, призраки... Банановый шоколад, чебуреки на молнии, таблетки от дождя, или что там еще?

С о в к о в. Казино.

Л е н о ч к а. Только и всего?!

С о в к о в. Нет. Еще там была женщина удивительной красоты. Божественная Матильда Кшесинская – балетная дива, обожающая рулетку, бриллианты и статных мужчин. Прелестная «Госпожа Семнадцать».

Л е н о ч к а. Ты бредишь, Совков. Я всегда говорила: чтение книг тебя погубит.

С о в к о в *(как бы не слыша)*. Ее знали во всех игорных домах Европы. Она ставила только на это число... Может, оно и вправду счастливое?

Л е н о ч к а. Сомневаюсь я что-то... В семнадцатом революция грянула.

С о в к о в *(задумчиво)*. Да... Она действительно много проигрывала. Но, не поверишь, всякий раз подымалась из-за стола в ровном настроении, и, выпивая бокал шампанского, с улыбкой покидала зал... *(вздыхает)*.

Л е н о ч к а. Уехала, говоришь?

С о в к о в. Да. В двадцатом году.

Л е н о ч к а. Ладно, Совков. Жалко Кшесинскую. И тебя тоже... *(игриво)*. Ну, а... что мне за это будет?

С о в к о в. То есть?

Л е н о ч к а. Ну, как же... Я ведь благое дело делаю. Мужа бывшего безбилетного до Москвы везу.

С о в к о в. Но у меня ничего нет!

Л е н о ч к а. А картины твои? Помнишь, та, что мне нравилась? С малиновым зайцем... и с этими, как их... сукулентами. Она сейчас где?

С о в к о в *(бледнея)*. Там же, где и всегда. На стене.

Л е н о ч к а *(с большой иронией)*. На стене? Чудно! Вот что меня радует, Геночка, так это твое постоянство... Давай ключи от мастерской! *(протягивает ручку)*.

С о в к о в *(после паузы, доставая из кармана ключи)*. И откуда в тебе, Леночка, эта хваткость? Раньше ты такой не была. Меняешься на глазах... Вон, коготки-то какие вырастила! Цепкие! Это все твой машинист, Миша. Его наследие. Ты, кстати, замуж-то за него вышла?

Л е н о ч к а *(рассматривая себя в зеркальце)*. Вышла? Ты что, Совков, с Луны упал?! Я давно развелась!

С о в к о в. То есть, как?! Ничего не понимаю. Ведь только месяц прошел с тех пор! Ты шутишь?

Л е н о ч к а. Какие шутки?

С о в к о в. Да, но ведь... ты его любила. Бегала на Московский вокзал. Зря, что ли? Я, между прочим, все помню! Изменяла мне... А я страдал. Теперь это неважно, но тогда...

Л е н о ч к а. Боже, Совков, не будь ребенком. Если хочешь знать, я и ему изменяла.

С о в к о в (*многозначительно*). Королева любила налево... Я и не сомневаюсь: для тебя в койку влезть, все равно, что пирожное съесть.

Л е н о ч к а. Тебе бы, Совков, на ниве просветительства трудиться. Знаешь, я вот думаю: зря ты от студии отказался, зря. Дети – очень благодарный материал.

С о в к о в. Мне, Леночка, тогда не до студии было. У меня жизнь рушилась. Личная.

Л е н о ч к а (*язвительно*). Это, Гена, не личная, это общественная рушилась. Тебя из Союза исключали. За пьянство и неуплату членских взносов.

С о в к о в. Да?! А чем занималась ты? Вешала в мой шкаф рубашки любовника?!

Л е н о ч к а. А ты?

С о в к о в (*резко*). Я? Я картины писал. На холсте. Маслом!

Л е н о ч к а (*постепенно заводясь*). Что ты говоришь?! Маслом?! Неужели?! Нет, мой милый, только не масло! Отнюдь! (*вскакивает, начинает ходить по коридору*). Насколько я помню, это была пастель! Позже – гуашь, дальше – акварель и темпера по дереву, затем тебя увлекла графика! Еще ты клеил мех на картон, делал коллажи из пуговиц-ключей-газет и снимал кино! Ну, как же! «Новый сладостный стиль»! Тебя манила архитектура, ради постижения этого несчастного Баухауза, ты выучил немецкий язык! А потом, десять лет, ты бредил инсталляциями Энди Уорхола, безумными идеями дадаистов, постигал Кандинского, пытаюсь объединить цвет, движение и музыку; вслед за тем написал пьесу – пьесу абсурда, объявив себя новым Альфредом Жари! Вероятно, у тебя открылась мания величия! Ты плевал на коллег и критиков, когда они хором заявляли, что из каждой строчки этого жалкого действия торчит теория! Ты морочил людям голову! Но ее поставили! Более того, заплатили гонорар! Неслыханно! Но последнее откровение, снизошедшее на тебя, очевидно, уже в полной невменяемости, вообще вне всякой критики – оказывается, существует триединство искусства: истинность-монотонность-новизна! Кто бы мог подумать?! Черте что! Кроме того, в своих интервью ты открыто заявляешь о том, что книги, толще трехсот страниц тебя не интересуют! Потрясающе! Раньше ты прочитывал собрания сочинений Чехова, Гоголя, Толстого, учебники по астрологии, их объем тебя не смущал! Ты очень переменчив, Гена. Мне трудно с тобой жилось.

С о в к о в (*медленно*). Господи, Леночка! Как ты можешь?! Как ты можешь так говорить? После стольких лет... не понимаю... Ведь ты ничего не знаешь!

Может, ты нездорова? Я художник, творец, я создаю новые миры, я открываю их людям!

Л е н о ч к а. Возможно. Но ты очень подвержен влиянию извне. На тебя легко давить. Отсюда все твои метания. Вспомни историю с Лимоновым: ты так любил его книги, что чуть не вступил в Национал-большевистскую партию!

С о в к о в. Это было давно... Я был молод, я искал, экспериментировал...

Л е н о ч к а. С моей жизнью! Удачнее всего получился именно этот эксперимент! *(швыряет в Совкова кота)*.

С о в к о в *(ловя игрушку)*. По-моему, ты несправедлива...

Л е н о ч к а *(иронически)*. Ну, разумеется! Зато ты у нас весь такой правильный!

С о в к о в. Как вашему величеству будет угодно... *(кланяется)*.

Л е н о ч к а. Скажите пожалуйста! Что-то твоей особе слишком много внимания нынче! А я вообще никого не интересую!

С о в к о в. Неправда! Ты меня очень интересуешь!

Л е н о ч к а. Еще бы! Когда тебе что-нибудь нужно! Статью для каталога сочинить, или в Москву задарма съездить...

С о в к о в. Думаю, ты меня упрощаешь. Мы, как-никак, десять лет вместе прожили, я тебя любил...

Л е н о ч к а. Ты, Совков, не меня, ты себя любил эти десять лет, понимаешь?! И страдал только оттого, что тебе нравилось страдать, нравилось! Потому что ты – мазохист!

С о в к о в. Ой, не пойму я: ты что, отношения решила выяснить, да? На ночь глядя?

Л е н о ч к а. Да! Именно!

С о в к о в. Глупо! *(садится напротив Леночки, достает из кармана яблоко)*. Хочешь?

Л е н о ч к а. Нет.

С о в к о в *(жует яблоко)*. А знаешь ли ты, Леночка, в чем главное и очевидное преимущество человека на этой земле? *(пауза)*. Чем ты, я, да и вообще – все мы отличаемся, ну, например, от яблока? *(пауза)*. У нас всегда есть выбор!

Л е н о ч к а. Выбор? Странно. Все эти годы ты утверждал обратное.

С о в к о в. Правда?

Л е н о ч к а. Ну, да. Ты говорил, что нет никакого выбора, все подвержено влиянию планет, все живет и развивается в строгом соответствии с положением светил на небе. Так?

С о в к о в. Не совсем. Про отсутствие выбора я не говорил. Я говорил, что звезды склоняют, но не обязывают.

Л е н о ч к а. Ну, хорошо, хорошо, склоняют. К чему все это?

С о в к о в. Не знаю. Просто захотелось поделиться. Порыв, настроение... Я ведь теперь звезды рисую...

Л е н о ч к а. С натуры?

С о в к о в. Зря смеешься. Я по ночам не сплю почти. Брожу по крышам... *(с этого момента начинает звучать красивая музыка)*. Помнишь нашу крышу? Ты еще дерево там сажала... Иву, кажется? Теперь оно большое... А тогда, в

самом начале, ты любила повторять: я Маленький принц, а крыша – моя крохотная планета. Я живу в своих снах и фантазиях, и никто, слышишь, никто не поймет их лучше тебя. И даже в дождь ты сидела, обняв это дерево, и теплый ветер подавал знаки промокшей твоей голове, и волосы падали из-под заколки тяжело и мокро, то ли от слез, то ли от погоды... И мое стремление сделать что-то очень важное в этой жизни, огромное, как парашют, парило в вечернем небе и никак не могло улечься. Мне было светло и радостно, как будто я рисую твою улыбку. А ты говорила, что все наши желания – большие и маленькие, все наши мечты – детские и взрослые, все равно никогда не исполнятся, потому что счастье – это понятие времени, это вовсе не конечная точка маршрута, а всего лишь способ твоего одинокого и, увы, не очень долгого, земного путешествия...

Музыка резко обрывается. По громкой связи раздается голос диспетчера.

Г о л о с. Отправление поезда Санкт-Петербург – Москва задерживается на тридцать минут. Проводницу третьего вагона Елену Овечкину просят подойти к машинисту. Повторяю: проводницу третьего вагона Елену Овечкину просят подойти к машинисту.

С о в к о в (*как бы очнувшись, слегка ревностно*). Иди, ждет тебя Миша твой. Даже поезд задержал.

Л е н о ч к а. Да ты ревнуешь, Совков! Точно, ревнуешь!

С о в к о в. Глупости какие! Больно надо. Я, может, женюсь скоро...

Л е н о ч к а. Ой, не смей меня, Гена! На ком?

С о в к о в. Не важно!

Л е н о ч к а. На синем чулке в роговых очках, разве что! На какой-нибудь плесневелой искусствоведше, старой деве, лишенной талии и чувства юмора! Достойный выбор!

С о в к о в. В любом случае, все это будет без тебя, Леночка! И вообще: ты меня извини, но я никак не могу придумать ответ на вопрос – чего ты хочешь?!

Л е н о ч к а. Переодеться!

С о в к о в. Чего, чего?!

Л е н о ч к а. Надеть другую блузку!

С о в к о в. Позволь спросить: это все твои желания? Скромно! Мне отвернуться?

Л е н о ч к а. Ни в коем случае! (*снимает блузку, надевает другую*).

С о в к о в. Это, Леночка, болезнь. Эксгибиционизм называется.

Л е н о ч к а. Можешь тренировать свое красноречие на кошках. А я ухожу. Лечиться!

Леночка уходит. Совков достает из сумки бутерброд с колбасой и бутылку пепси-колы. Быстро съедает. Потом включает радио и ложится лицом к стене, подкладывая плюшевого кота под голову вместо подушки. По радио слышны голоса.

О н а. Жизнь – причудливая штука... Каждый день, залезая в шкаф мужа, нахожу рубашку любовника – зеленую, в красный горошек. Но, учитывая то обстоятельство, что я не замужем, и у меня нет любовника, сюжет, согласитесь, весьма странный...

О н. Ваш любовник работает в цирке?

О н а. С чего вы взяли?

О н. Не знаю... Сочетание цветов вычурное. Зеленое с красным бывает либо на манеже, либо в зоопарке...

С о в к о в (*выключая радио*). Как все бессмысленно и глупо! Банально до невозможности... Нет, я, конечно, понимаю: человек – существо изощренное, сложное. А Леночка... Леночка – карьеристка. Девушка с Луной в Козероге... Поэт! Господи, почему мы встретились? Безумный мир! Коянискатси... Как жаль его... (*в полусне*).

И жалко всех и вся. И жалко

закушенного полушалка,

когда одна, вдоль дюн, бегом,

душа – несчастная гречанка...

А перед ней взлетает чайка.

И больше никого кругом...*

В этот момент появляется Алиса Ю. За спиной – модный рюкзак, курит длинную сигарету, в ушах – наушники, из кармана торчит плеер.

А л и с а. Тук-тук (*стучит в дверь*). Здравствуйте! А где ж проводница?

С о в к о в (*поворачиваясь*). Ушла. К машинисту. А для чего она вам?

А л и с а. Для разнообразия! Вам-то, какое дело? Вы что, секретарь ее?

С о в к о в. Ну, в каком-то смысле... Я муж ее. Бывший.

А л и с а. О-па! Ни фиги себе! А что вы здесь делаете?

С о в к о в. Сплю. А вы?

А л и с а. Еду. Во всяком случае, надеюсь уехать. В этом купе.

С о в к о в (*вскакивая*). Ой, наверное, я занял ваше место... Простите...

А л и с а. Ерунда! Расслабьтесь, все в порядке. Мне кассирша сказала – мест полно. Теперь в поездах не ездят. Медленно очень. А всем надо быстро. Вот и летают самолетами аэрофлота.

С о в к о в. А вы?

А л и с а (*снимает рюкзак, садится напротив, оголяя колени*). Я? Я предпочитаю не спешить...

С о в к о в (*чуть смутившись*). И правда... Куда спешить? Ну да... Простите... Я, наверное, пойду...

А л и с а. Что ж так скоро?

С о в к о в. Прогуляюсь...

А л и с а. Ну, ладно. Тогда – пока!

Совков уходит. Алиса достает ноутбук, включает, начинает что-то печатать. Через минуту Совков возвращается.

С о в к о в. Извините... Вы знаете, странная история: все купе, включая купе проводницы – почему-то заперты. Наверное, Лена – это моя жена – забыла... Иногда она бывает рассеяна, несобранна...

В этот момент в вагоне гаснет свет. После небольшой паузы Алиса включает фонарик.

А л и с а (*подходит вплотную к Совкову, освещая его лицо*). А вот интересно: забывчивость, она... половым путем передается? Я хочу сказать – вы так же беспамятны, как ваша распрекрасная жена?

С о в к о в. Что?!

А л и с а. Я спрашиваю, когда родились, помните?

С о в к о в. Я вас не понимаю...

А л и с а. Странно, а я вас отлично понимаю... Вы, уважаемый, дату рождения своего назвать можете?

С о в к о в. Своего? А, да, конечно... двадцать второе августа шестьдесят пятого года. А в чем дело?

А л и с а. Прекрасно! (*подходит еще ближе, говорит медленно*). А время и место знаете?

С о в к о в (*в полной растерянности*). Б... б... Беляевка, Оренбургская область. Без двадцати одиннадцать, кажется... Вечера... Вы что, гороскоп считаете?

А л и с а (*говорит шепотом, почти касаясь губ Совкова*). Вы удивительно догадливы, Гена.

Зажигается свет. Алиса садится по-турецки, начинает что-то печатать.

С о в к о в. Вы знаете мое имя?! Откуда?

А л и с а. А как же! Я про вас все знаю... Теперь.

С о в к о в. Любопытно... Дело в том, что я про себя тоже кое-что знаю. А вот вы – вы загадочны... таинственны...

А л и с а (*иронично*). Ну, уж...

С о в к о в. Да, да... Во-первых, у меня есть абсолютно стойкое ощущение, что я вас где-то встречал...

А л и с а. Наверное, в детском саду. Господи, как примитивно!

С о в к о в. Не сердитесь, сударыня, умоляю! Вы удивительно похожи на одного человека... Впрочем... Могу я спросить, как вас зовут?

А л и с а. Можете. Пожалуйста! (*вынимает из кармана билет, протягивает Совкову*).

С о в к о в. Это мне, как секретарю проводницы? Посмотрим... (*достает очки, надевает*). Так... «Ю. А.»... Занятно... Только непонятно.

А л и с а. Что именно?

С о в к о в. Ничего!

А л и с а. А вы подумайте, Гена! Имя начинается с первой буквы алфавита.

С о в к о в. Ну, допустим, имя я угадаю. А фамилия? Должна быть фамилия!

А л и с а. Фамилия – Ю.

С о в к о в. Я, конечно, не специалист по антропонимике... Ну, раз уж вы настаиваете... все возможно. В таком случае, простите, даже боюсь предположить ваше имя.

А л и с а. Да, сложно с таким всезнайкой дела иметь! Ладно, не парьтесь. Меня зовут Алиса. Алиса Ю. *(берет со стола картонную тарелочку, разыгрывает сценку знакомства, как в сказке)*. «Пудинг, познакомься: это – Алиса. Алиса, познакомься: это – пудинг...»

С о в к о в. Забавно. Ну, а отчество?

А л и с а. Достаточно.

С о в к о в. *(рассматривая билет, вполголоса)*. Интересно...

А л и с а. Вы что-то сказали?

С о в к о в. Я говорю, билет у вас интересный. Необычный. Третий вагон, третье место. Номер поезда – тридцать три... Вам это странным не кажется?

А л и с а. Какая наблюдательность! *(берет у Совкова билет, рассматривает как будто впервые)*. Да, вы правы, есть в этом что-то потустороннее...

Входит Леночка. Она растрепана, растеряна.

Л е н о ч к а. Ген, ты случайно ключи не находил? Кажется, я их потеряла. *(замечает Алису)*. А-а-а, знаменитая Алиса Ю! Маленькая распутная дрянь, бесстыжая потаскушка, и ты здесь! Совков, у тебя есть редкая возможность – познакомится с любовницей моего мужа! Представь, эта негодяйка с ним спит!

А л и с а. Что-то вы, Елена Павловна, разошлись! Я, кажется, вас не оскорбляла! А, кроме того, позвольте напомнить: у вас в паспорте стоит развод от прошлой среды. Так что, все ваши претензии, простите, неуместны.

Л е н о ч к а. Если ты думаешь занять мое место в его паспорте, могу тебя огорчить...

А л и с а. Не трудитесь, любезная моя. Замуж я не собираюсь!

Л е н о ч к а. У, ведьма! Жаль, некогда... А то б я тебе устроила рыжую жизнь!

А л и с а. А мне-то как жаль, Елена Павловна, вас... Раньше времени было – вагон, а теперь сами по вагонам скачите!

Л е н о ч к а. Идиотка!

С о в к о в. Простите, что встречаю... Леночка, тебя ключи еще интересуют?

Л е н о ч к а. Странный вопрос! Конечно!

С о в к о в. Так вот: я их не видел.

Л е н о ч к а. Нет слов!

Леночка уходит.

А л и с а. Как вы с ней жили, ума не приложу!

С о в к о в. *(вздыхает)*. Ну, как жили, как жили... Как все.

А л и с а. Оно и видно. Ее манера сидеть на двух стульях – просто невыносима. Она ж карьеристка! Типичная! Как по учебнику. У нее и Луна, и Солнце – все в Козероге! А вы – Лев!

С о в к о в. Зато ее Солнце в точном соединении с моей Белой Луной. И наоборот. Вы понимаете, о чем речь?

А л и с а. Еще бы! Но это ерунда, по сравнению с тем, что моя Венера в соединении с вашим Марсом, Гена, и наоборот!

С о в к о в. Что вы этим хотите сказать?

А л и с а. Я всего лишь вас информирую...

С о в к о в. Послушайте, Алиса, астрология – это хорошо. Но ведь кроме планет что-то вас интересует? Ну, я не знаю – искусство, в широком смысле слова.

А л и с а. Конечно! Меня интересуют туманности. В широком смысле.

С о в к о в. О, Господи! Ну, вот, музыка, музыка – она ведь вам нравится? Вы ж ее все время слушаете, в этих ваших наушниках!

А л и с а. Это не музыка.

С о в к о в. А что?

А л и с а. Это я китайский учу.

С о в к о в. (*тяжело вздыхает*). Ну, а театр? Вам нравится театр?

А л и с а. Я предпочитаю массовые праздники. В крайнем случае, флэшмоб.

С о в к о в. Да? А что это?

А л и с а. Ну, как вам сказать? Это такое мгновенное столпотворение. Когда люди неожиданно собираются в заранее определенном месте, в заранее определенный час. Выполняют условия заданного сценария, а потом быстро исчезают.

С о в к о в. Зачем?

А л и с а. Ради веселья. Понимаете, вся прелесть этих сборищ – их полная бессмысленность. Здесь главное – проникнуться идеей, отключиться и не думать над смыслом. Это похоже на хэппининг. Вот, представьте: в какой-то определенный день люди приезжают в аэропорт «Пулково», собираются в зале ожидания. Приносят с собой такие таблички – альбомный лист, на котором написано «Президент страны»... (*после паузы, видя удивление Совкова*). Ну, встречаются, ясно? Ровно в назначенное время, каждый достает свою табличку и занимает место в толпе. Можно стоять, сидеть, ходить по залу и так далее. Через пять минут все исчезают. Вам нравится?

С о в к о в. Нравится. Очень. А кто это придумал?

А л и с а. Не знаю. Наверно, счастливые люди...

По громкой связи раздается голос диспетчера.

Г о л о с. Отправление поезда Санкт-Петербург – Москва задерживается на тридцать минут. Проводницу третьего вагона Елену Овечкину просят подойти к машинисту. Повторяю: проводницу третьего вагона Елену Овечкину просят подойти к машинисту.

С о в к о в. Бред какой-то. Она уже была у машиниста!

Появляется Леночка. Она задумчива.

Л е н о ч к а. Странно. Все купе – заперты. Ключей нет...

С о в к о в. Может, стоит найти начальника поезда?

А л и с а. Елена Павловна! Не могли бы вы спросить машиниста, когда мы, наконец, поедем!

Л е н о ч к а. Он не знает. Он задумчив и противоречив...

А л и с а. Это что-то новенькое!

С о в к о в. Хочется каких-то действий, поступков!

Л е н о ч к а. Отдохни, Ген! Или пойди, погуляй!

С о в к о в. Да не хочу я гулять! Я есть хочу! В крайнем случае, пить!

Л е н о ч к а. Достойно! Впрочем, я вспоминаю: ты всегда отличался крайней прожорливостью – ел буквально везде, включая качели, подъезды и трамвайные остановки. Как будто дома тебя не кормили. Кстати, о доме: ты умудрялся жевать даже в койке! Ставил тарелку с курицей на пол... Рис, макароны, овощной салат со сметаной – тоже руками...

С о в к о в. На тебя уходило слишком много сил, дорогая!

Л е н о ч к а. По-моему, ты преувеличиваешь! Слишком много сил у тебя уходило на твои бессмысленные идеи!

А л и с а. Вы прослушали передачу «По волнам моей памяти». Участники событий поделились рецептом семейного долголетия... Bravo! К слову о постели: я бы тоже что-нибудь съела!

С о в к о в (*Алисе*). Так, может, в ресторан, Алиса? Лен, у вас есть вагон-ресторан?

Л е н о ч к а. А как же! «Хлеб и вода» называется.

С о в к о в. Это типа юмор такой?

Л е н о ч к а. Это типа нет там ни фиги, ясно?

С о в к о в (*удивленно*). Что – совсем ничего? Ну, а выпить? Водка есть?

Л е н о ч к а. Я же сказала, Совков, ты глухой?

С о в к о в. Жаль. Хочется чего-то экстравагантного... Барбекю или суши, к примеру...

Л е н о ч к а. Экстравагантного? А ты попроси свою подружку что-нибудь мемуарное нам поведать. У нее феерическое прошлое, уверяю тебя. Шибанет посильнее всякой водки!

С о в к о в. Правда?

Л е н о ч к а (*зло*). Правда-правда! После таких рассказов тебе захочется ее трахнуть, а потом удочерить. Из чувства жалости.

А л и с а (*заходясь*). Хотите услышать про бедную Золушку?! Пожалуйста! (*повязывает шарфик косынкой, залезает на верхнюю полку, свешивается вниз головой, держит правую руку в пионерском салюте*). Семья – идеальная, мама – актриса, папа – профессор, нянюшка – немка, любые капризы, домашний детсад, фортепиано и скрипка, санки – зимою, книжки-раскраски, белый передник, политинформация, юный директор, прогулы и справки, комплекс отличницы, драные джинсы, кино «до шестнадцати», песни в подъездах, школа с медалью, вуз театральный, ночи в «общаге», гастроли в деревню, Бодлер, Кастанеда, портвейн «Три семерки», травка, пейотль, брак по залету, развод, коммуналка, красный диплом, казино, много денег, мартини со льдом, дальние страны, яхты, мужчины, секс вчетвером...

С о в к о в. Хватит. Я все понял.

Л е н о ч к а. Дура! Теперь я даже не сомневаюсь, что ты кретинка. Я всегда говорила – вызывающая, абсолютно безвкусная, ограниченная девица. Грубая, как сарайная дверь. Шлюха!

А л и с а. А вы – мелкая платяная вошь! Лицедейка!

Л е н о ч к а. Ах ты дрянь! Мерзавка! Я из-за тебя развелась!

А л и с а. Ай-яй-яй, Елена Павловна, какая жалость... Супруга законного увели! *(надменно)*. Что вы мученицу-то из себя строите?! Девушка на полставки. Живете, как собака на сене: «Брак исключен, но возможен». Ни себе, ни людям. Страдалица несчастная!

Л е н о ч к а. Вот сучка! Имей в виду: я ухожу, но скоро вернусь!

Леночка уходит.

А л и с а *(слезая, вдогонку Леночке)*. Дерзайте, золотко, и слава вас настигнет!

С о в к о в. Да-а-а... И часто вы так общаетесь?

А л и с а. Как?

С о в к о в. Ну, выясняете, кто из вас следствие, кто причина?

А л и с а. Нечасто, успокойтесь.

С о в к о в. Ну, а сегодня, например? Какого черта вы сцепились? Из-за Миши этого, машиниста?

А л и с а. Из-за Миши, из-за вас, какая разница?

С о в к о в. Из-за меня?!

А л и с а. А вы не видите, как она бесится?! Боится за вашу нежную жизнь. Не дай Бог – очарую вас, начну приручать... Приставать... Что тогда?

С о в к о в. Не знаю... *(пауза)*. А вот эта ваша биография... это правда?

А л и с а. Что, испугались?!

С о в к о в. Да нет...

А л и с а. Да или нет?

С о в к о в. Нет. Хотя, одно я понял совершенно четко: вы – опасная. У вас такие глаза – в них смотришь, как в дуло пистолета... Можно сойти с ума.

А л и с а. Давайте сходить с ума вместе. Я, между прочим, тоже вас опасуюсь. Побаиваюсь.

С о в к о в. Вы?!

А л и с а *(набрасывая шарфик на плечи Совкова, усаживается к нему на колени)*. Я!

С о в к о в *(неловко обнимая Алису)*. Скажите, а вот про казино – это правда?

А л и с а *(соблазняя Совкова)*. Конечно!

С о в к о в. И что, выигрываете?

А л и с а. Выигрываю. В рулетку. Ставлю на тройку.

С о в к о в. На семнадцать! Вы должны ставить на семнадцать!

А л и с а. Почему?

С о в к о в. Потому что. Мне сон был.

А л и с а. Геночка, ну какой сон?

С о в к о в. Кажется, теперь я начинаю что-то понимать... Третий вагон, третье место... Вы игрок, Алиса! Азартный игрок! Держу пари, вы родились третьего числа!

А л и с а. Тринадцатого. Ноября.

С о в к о в. Э, нет! Хватит! *(ссаживает Алису с коленок)*.

А л и с а. Ну, какой же вы привередливый, Гена! Вы что, сначала паспорт смотрите, а потом дружить начинаете?

С о в к о в. По-моему, паспорт смотрите вы! Фигурально выражаясь. Кто у меня день рождения выпытывал? И в какой форме, простите? И вообще: мне от вас ничего не надо!

А л и с а *(толкает Совкова, он падает на кровать, Алиса садится сверху)*. Зато мне надо!

С о в к о в. Милая барышня, вы что, хотите меня изнасиловать? Ну и нравы! Я буду кричать, честное слово!

А л и с а *(раздеваясь)*. Это я кричать буду!

С о в к о в. Только не сильно, умоляю! Лена услышит!

Затемнение. Звучит куплет песни «Ах, Алиса!». Потом включается свет. В купе ужасный беспорядок: подушки на полу, свитер Совкова висит на окне, плюшевые кошки закинута на верхние полки и т.п. Совков и Алиса лежат рядом головами в разные стороны. Алиса выдувает мыльные пузыри.

С о в к о в *(спиной к зрителю, смотрит на Алису, как будто впервые)*. Девочка, маленькая девочка... Какая ты... удивительная! Легкая, прозрачная, таинственная, нет – тианственная! Неужели, так бывает?! *(пауза)*. Вон, смотри! *(показывает на мыльные пузыри, летящие вверх)*. Фамилия твоя полетела! Ю-ю-у-у! Как это прекрасно! Знаешь, пожалуй, я тебя нарисую. Хотя, если честно, я давно ничего не писал. Я – теоретик. Так считает Лена. Но я попробую, обязательно, вот увидишь! Мне так хочется что-нибудь для тебя сделать! Ну, я не знаю – стихи сочинить! Ты меня вдохновляешь, ты необыкновенная! Господи, так не бывает: этот поезд – я уже не понимаю – стоит он или движется, ты, раздетая, рядом со мной, эти мыльные пузыри... голова кружится, мысли блуждают... Хочется невозможного! Все-таки мне ужасно повезло! «Там, наверху, кто-то обо мне заботится...»** *(берет у Алисы мыльные пузыри)*.

Я плохо рисую,
но очень люблю свободу.

Есть много людей, раздавленных изнутри.

И я не святой.

Я тоже менял годы
на мыльные пузыри...***

Ведь я могу, могу! Мне даже студию давали. Да! Я – мастер. Представляешь! Мы приедем в Москву, я куплю грунтованный холст, краски... Господи, как я хочу этого! Я всю жизнь читал знаки! Я искал, свою Маргариту, разменивался

по мелочам, мечтал изменить мир, понимаешь, изменить! Превратить его в большой карнавал сильных, талантливых...

В этот момент входит Леночка.

Л е н о ч к а. ...но, увы, непонятых одиноких масок черных и белых грустных Пьеро... Эту пышную речь, детка, я уже слышала. Так что, не обольщайся. Ни черта тебе не светит...

Алиса встает, собирает вещи в рюкзак, уходит.

С о в к о в. Ну, зачем ты так?!

Л е н о ч к а (*берет у Совкова мыльные пузыри*). Не переживай! Она к Мише пошла. Скоро вернется.

С о в к о в (*резко встает*). Да вы все с ума сопли! Какой Миша?!

Л е н о ч к а. Миша. Машинист. Ты ведь знаешь его...

С о в к о в. Не знаю я никакого Мишу! И знать не хочу! Ясно?

Л е н о ч к а. Напрасно нервничаешь. Миша очень хороший: смелый, активный, целеустремленный...

С о в к о в. Да, да! Его активность нам известна: целый час мы стоим на месте!

Л е н о ч к а. Скоро поедем.

С о в к о в. Скоро?! Когда? Послезавтра?

Л е н о ч к а. Ты что, очень торопишься?

С о в к о в. Да! Представь! Я очень тороплюсь! Мне сорок лет, ничего не сделано, жизнь проходит.

Л е н о ч к а. Не драматизируй. Что надо, ты уже сделал, что не надо – тоже...

С о в к о в. Боже, какая глубокая философская мысль. Наверно, ты ее долго думала.

Л е н о ч к а. Да. Девять лет и одиннадцать месяцев. Ровно столько, сколько имела счастье с тобой жить!

С о в к о в. Вот именно – счастье. А сегодня? Ты счастлива?

Л е н о ч к а. Да, представь себе! Я свободна!

С о в к о в. Так свободна или счастлива? Я что-то не пойму.

Л е н о ч к а. Какая разница!

С о в к о в. Господи, Леночка, милая, опомнись! Это не ты говоришь, это кто-то другой! И слова – холодные, бездушные, как дрейфующие льдины... Ты ведь тонкий человек, а рассуждаешь...

Л е н о ч к а. Все! Я не желаю тебя слушать! Адью!

Леночка уходит. Совков ложится, но через минуту встает. Звучит музыка (возможно, это «Поезд», но без слов). Совков берет со стола картонную тарелочку, достает карандаш, принимается рисовать. Входит Алиса, садится напротив, курит. Гена завершает портрет и передает Алисе. На фоне чуть приглушенной музыки звучит стихотворение, записанное на пленку. Алиса молча рассматривает рисунок. Совков внимательно наблюдает.

Я высунусь из окна поезда,
 темнота, ветер...
 Я думаю о тебе любимая моя, хорошая.
 И о том, что со мной никогда не случится на этом свете —
 я никогда не смогу попасть в твое прошлое.
 Все может быть,
 я не хочу знать о том, что будет.
 Завтрашний день — загадка.
 Это и радостно, и, в то же время, печально.
 Но в прошлом твоём всегда, слышишь,
 всегда будут другие люди,
 а я появлюсь только сегодня,
 и то — случайно.
 И я говорю — я видел много всего,
 удивить меня очень и очень сложно.
 Я любил столько людей, песен, книг, фильмов,
 ты даже о них не знаешь.
 Но я всегда хотел сделать то,
 что невозможно.
 Или, в конце концов, хоть что-нибудь сделать,
 хоть что-то одно. Понимаешь?
 И я говорю с тобой шепотом,
 поезд, скорость,
 куда я еду?
 Хочешь, я расскажу о том, как люди становятся старше?
 Это когда тебе непонятно,
 идет время, или его уже нету?
 Места, события, люди уходят,
 а ты остаешься там же.
 И ты знаешь,
 мне никогда не хотелось вернуться,
 и что-то исправить.
 Но если б ты только могла
 сделать для меня невозможное,
 я бы просил —
 оставь на своих местах все, что только можно оставить
 и возьми меня в свое прошлое...***

А л и с а. Да, вы, действительно, мастер. Мне нравится. Можно забрать?
 С о в к о в. Ну конечно! Это тебе... *(долгая пауза)*. А что ты намерена делать в
 Москве?

А л и с а. Жить. Надоели здешние болота.

С о в к о в. Тебе не страшно вот так все бросить, уехать в неизвестность?

А л и с а. А кто вам сказал, что там – неизвестность? У меня есть друзья, приятели. Родители, в конце концов.

С о в к о в. Мне показалось, что ты одинока...

А л и с а. Это не правда.

С о в к о в. А что ты думаешь про меня?

А л и с а. Ничего не думаю. Обычная история. Ехал Гена-художник со мной в купе. Встретились, разошлись. Вот и все.

С о в к о в. Так просто?.. Ну, а если я позвоню? Ты ведь оставишь телефон? Могу я надеяться хотя бы на то, что тебе не будет противно слышать мой голос?

А л и с а (*насмешливо*). А вы, однако, самоуверенны! Мне не нужны чужие голоса. Кроме того, никак не могу вспомнить: когда это мы с вами успели перейти на «ты»?

С о в к о в. Как? Мне казалось, что теперь, после всего...

А л и с а. После чего?

С о в к о в. Ну как же...

А л и с а. Чего вы хотите?

С о в к о в. Не знаю. Наверное, просто быть с тобой рядом. Заботиться о тебе, помогать...

А л и с а. Помогать в чем? Простите, Гена, я очень сожалею, но вы герой не моего романа. Я живу по Хайямю:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два верных правила запомни для начала:

ты лучше голодай, чем что попало есть,

и лучше будь один, чем вместе с кем попало...

Мне ничего не нужно от вас, понятно? Оставьте меня в покое.

С о в к о в. Свободу любишь?

А л и с а. А вы – нет?

С о в к о в. Почему нет? Я тоже люблю. Но свобода – это ответственность, а не анархия, понимаешь? Между прочим, к дружбе это тоже относится.

А л и с а. Дружба – понятие относительное.

С о в к о в. То есть?!

А л и с а. Дружба – это когда мы решаем свои проблемы за чужой счет. Тоже самое относится к любви. Так вот, я не хочу, чтобы за мой счет решались ваши проблемы. А еще я не хочу дискуссий на эту тему. Надоело!

С о в к о в. Что надоело?

А л и с а. Все. Расспросы ваши. Поезд этот. Стоять надоело!

С о в к о в. Стоять надоело? А что ты сделала, для того, чтобы ехать?

А л и с а (*обалдев*). Я...я... у машиниста была, я спрашивала!

С о в к о в. Да! Интересно: ты – была, спрашивала, Лена – была, спрашивала, где результат? Мы стоим уже час. Больше. Час – десять!

А л и с а. А, может, вам самому стоит сходить к машинисту? Глядишь, и результат появится! А то пяткой в грудь – все горазды!

С о в к о в. Может. Так я, пожалуй, и сделаю! Хотя, это, конечно, полный абсурд.

А л и с а. Вы о чем?

С о в к о в. Да ни о чем. Где мой свитер? (*замечает свитер висящим на окне, снимает*).

Входит Леночка.

Л е н о ч к а. Ты куда, Совков?

С о в к о в. К машинисту твоему.

Л е н о ч к а. Зачем?

С о в к о в. Знакомиться! Думаю, пора! Как раз есть повод.

Л е н о ч к а. Тебе не стоит ходить к машинисту.

С о в к о в. Почему?!

Л е н о ч к а. Вы не поймете друг друга. Ты идеалист, романтик. Он – прагматик. Начнете спорить, размахивать руками, что-то доказывать, а мы будем стоять.

С о в к о в. Но мы и так стоим! Вне зависимости от того, пойду я или нет!

Л е н о ч к а. Мы скоро поедem...

С о в к о в. Я слышу это уже полтора часа! Надоело! Я просто хочу знать: что происходит?! Если это серьезно, значит, я иду домой, а утром вылетаю первым же самолетом. Я пассажир, в конце концов. Свободный пассажир. Имею право!

Л е н о ч к а. Ты – безбилетный пассажир! И прав у тебя нет.

Совков уходит.

А л и с а. Странная жизнь, правда? Одним – все, другим – ничего...

Л е н о ч к а. Ты о чем?

А л и с а. О нас. О правах, о пассажирах, о чем угодно... Сегодня я купила билет до Москвы, потом зашла в кафе, заказала пиццу. Пока ее готовили, я курила. Неподалеку стояла женщина, таких называют бомжами. Вся ободранная, грязная... Она ждала. Ждала, когда я брошу окурочек в пепельницу. А еще она ждала мою, так называемую, пиццу. Она знала, что это кафе – не из лучших, что здесь, на вокзале, скверно готовят, поэтому посетители часто не доедают. В общем, когда заказ принесли, я расплатилась и вышла. Через окно я видела, как женщина ест эту резиновую пиццу, потом берет хабарик и бережно кладет в карман... Почему я не вернулась и не дала ей денег, ведь они у меня были?

Л е н о ч к а. Потому что всех не осчастливишь.

А л и с а. Вы, правда, так думаете?

Входит Совков.

Л е н о ч к а. Ну, что?

С о в к о в. Наглый, расчетливый, самоуверенный, амбициозный тип со связями. Хам, эгоист и потребитель. Впрочем, это даже не его вина! Здесь все

такие, все! *(собирает сумку)*. Так. Я никуда не еду. Я остаюсь. *(Леночке)*. Давай ключи от мастерской!

Л е н о ч к а *(вынимает ключи)*. Пожалуйста! Но ведь ты не был у него! Не был! С о в к о в *(садясь)*. Господи, как вы все живете! А главное – зачем?

Л е н о ч к а *(иронично)*. Действительно? Абсолютно незачем. Зато я точно знаю, для чего живешь ты!

С о в к о в. Очень интересно...

Л е н о ч к а. Чтобы задавать дурацкие вопросы окружающим.

С о в к о в. Да, отчасти. Потому что я – художник. Я обязан задавать эти вопросы. И не только задавать, но и решать!

Л е н о ч к а. Так я и думала: мания величия ничуть не уменьшилась. Скорее наоборот – усилилась.

С о в к о в. Да, Леночка... Ты изменила не только мне, но и своим убеждениям относительно меня. Месяц назад ты утверждала, что я страдаю комплексом неполноценности.

Л е н о ч к а. Комплексом вины, Совков. А еще я говорила, что у тебя самооценка ниже, чем у Кафки. И ты годами топчешься на месте.

С о в к о в. Я?! Опомнись, Леночка! Я столько всего сделал!

Л е н о ч к а. Видимое не имеет значения. Кому нужны твои сны и фантазии? Кому нужны измышления человека, сидящего в купе стоящего поезда? Подумай об этом.

Звучит куплет песни «Поезд». Появляется Миша-машинист. В руках у него мешок и две бутылки.

М и ш а *(подшофе)*. Друзья мои, прекрасен наш союз! Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагон через... *(смотрит на часы)* двадцать девять минут. За это время мы как раз успеем... *(стучит бутылками)* клюкнуть...

С о в к о в. О, пожалуйста! Наш рулевой!

М и ш а *(доставая из мешка медали, грамоты, ордена, кубки)*. Я – управляющий...

А л и с а. Хотелось бы знать: где ж это так угощают?

М и ш а *(разливая водку в наградные кубки)*. В буфете, солнышко, в буфете...

А л и с а. А Елена Павловна про хлеб и воду говорила...

М и ш а. Елена Павловна? Елена Павловна натура блуждающая, капризная и самодостаточная. Кроме того, она не знает, куда идти, чтобы найти...

Л е н о ч к а *(разглядывая награды)*. Знаю. К буфетчице.

М и ш а. Точно. Она, конечно, не столь прихотлива, как некоторые, но зато всегда дает...

А л и с а *(надевая медали)*. В смысле – нальет.

М и ш а. Именно!

Л е н о ч к а. Ну, в таком случае, у меня тост: давайте выпьем за буфет!

М и ш а. За наш буфет! *(все выпивают)*.

А л и с а *(Мише)*. Могу я узнать: когда ожидается следующий поезд на Москву?

М и ш а (*усаживается, закинув ноги на стол*). «В Москву, в Москву!»... Вы напоминаете мне трех сестер из одноименной пьесы. Никогда!

А л и с а. А-а-а... Киргудук! Шутка!

М и ш а. Вообще-то, шучу я редко. Впрочем, если не веришь, обратись в справочное.

А л и с а. Хорошая мысль. Может, вместе пойдем?

М и ш а. Нет, ягодка моя. Устал я что-то...

С о в к о в. Если вы не против, Алиса, я провожу вас.

А л и с а. Не против.

Совков и Алиса уходят.

Л е н о ч к а. Ну, и что там у нас с буфетчицей? Роман среди сковородок?

М и ш а. А меня больше интересует, что здесь делает этот тип. Твой бывший муж.

Л е н о ч к а. То же, что и все. Едет.

М и ш а. И, конечно, без билета.

Л е н о ч к а. Вроде, проверка билетов не является твоей обязанностью.

М и ш а. Неужели, ты его защищаешь?

Л е н о ч к а. Ничуть. Просто каждый должен заниматься своим делом.

М и ш а. Да? Ну, и каким же, позволь узнать, не своим делом занимаюсь я?

Л е н о ч к а (*наполняя кубок*). Проехали!

М и ш а. И все же.

Л е н о ч к а (*делая глоток*). Работает на железной дороге.

М и ш а. Что?!

Л е н о ч к а. Машинистом.

М и ш а. Да ты... да ты... понимаешь, что говоришь?! У меня дед, и отец... (*хватает со стола грамоты*). А это, это ты видела?!

Л е н о ч к а. Видела. Что в них толку, когда мы стоим?

М и ш а. Но это только сейчас!

Л е н о ч к а. А меня, Мишенька, интересует «только сейчас». Завтра слишком туманно, вчера – чересчур явственно.

М и ш а (*трезвея*). Глупости. Нельзя жить сегодняшним днем!

Л е н о ч к а. Еще как можно!

М и ш а. Дура! Прости Господи. Что ты здесь делаешь, в третьем вагоне – ума не приложу. Проводница! Поэтка! За два года – ни полстрочки, ни полкнижки...

Л е н о ч к а. Это мое дело, что я здесь делаю! А книжки... эти маленькие шелестящие существа, утыканые мыслями по большей части покойников – от них одни неприятности!

М и ш а. Какое счастье, что мы развелись!

Л е н о ч к а. Я тоже так думаю.

М и ш а. Тебе вообще противопоказано выходить замуж. Твой психоаналитик обязан написать об этом в медицинской карточке.

Л е н о ч к а. Психоаналитик? У меня его нет!

М и ш а. Будет! И даже не аналитик, а психиатр! Когда в очередной раз ты заявишься в парикмахерскую измерять линейкой длину отрезанных волос (*берет Леночку за волосы*), он тебе понадобится! Чтобы выписать справку о твоей вменяемости!

Л е н о ч к а. Идиот!

Входит Алиса.

М и ш а. О! Алисик! Поколение next! Generation «Пи»! А мы тут как раз про связь времен рассуждаем...

А л и с а. Очень интересно.

Л е н о ч к а. А где Гена?

А л и с а. Гуляет Гена. По платформе. Туда-сюда, туда-сюда... Фланирует. Воздухом дышит.

М и ш а. Стоп! У меня родился тост. Вернее, тест... (*разливает водку в кубки*). Сейчас мы коллективно сообразим на троих, закусим, а потом каждый нарисует рыбку!

Л е н о ч к а (*устало*). Какую рыбку, Миша? Час ночи!

М и ш а. Золотую, Ленусик, золотую! Из мультика! (*раздает девушкам картонные тарелочки*).

Л е н о ч к а. Да на кой она мне?

М и ш а. Послушай, Лен! Ты ведь у нас... половина художника!

А л и с а. Бывшая.

М и ш а. Тебе чего, рыбку не нарисовать? Я ж не потрошить прошу!

Л е н о ч к а (*проглатывая водку*). Ладно, давай карандаш! Сейчас потрясу твое воображение.

А л и с а. И мне!

М и ш а (*протягивая карандаши*). Думаем быстро, рисуем трезво!

Л е н о ч к а. Очень остроумно! Тоже мне, массовик-затейник! Врачеватель душ выискался!

М и ш а (*собирая тарелочки*). Ща я посмотрю, что ты там наваяла!

А л и с а (*заглядывая Мише через плечо*). Мишенька, скажите сначала мне...

М и ш а (*рассматривает рисунок Алисы*). Ну, с тобой все понятно, так же, как и со мной, впрочем. Наши рыбки смотрят в одну сторону. Вправо. То есть в будущее, я извиняюсь. А вот Елена прекрасная Павловна рыбку свою не в профиль рисовала. Авангардная у нее рыбка вышла, передовая. В анфас (*показывает всем*).

А л и с а. Что это?

М и ш а (*с умным видом*). Здесь может быть два варианта: либо у Ленусика плохое настроение, либо она слишком заиклена на своей особе. «Я» и еще раз «Я». Ее рыбка в себя смотрит. Медитирует.

А л и с а. А моя?

М и ш а. А твоя акула... нет – форель! Разбивает лед. Вперед движется. Аванта!

А л и с а. Какая же это форель? Это щука!

М и ш а. Не важно.

А л и с а. А что, так только по рыбкам гадать можно?

М и ш а. Ну, наверное, нет.

А л и с а. У меня есть один рисунок... *(достает из кармана тарелочку)*. Что вы можете сказать?

М и ш а. Ну, что тут скажешь? На рисунке ты!

А л и с а. В этом я не сомневаюсь. А вот о человеке, который...

М и ш а. Да, тут все просто. Посредственный художник, неудачник, закончил *(смотрит на Леночку)* что? Муху, Мухинское училище, писал картины, пьесы, снимал кино – ерунду всякую. В общем, отсталый элемент, человек прошлого. *(Леночке)*. Кстати, я понял, почему вы расстались.

Л е н о ч к а *(иронично)*. Что ты говоришь?

М и ш а *(ложится, отворачивается к стене)*. Так же я понял, почему мы с тобой не совпали...

Л е н о ч к а. Боже, да ты философ!

М и ш а. Совков твой всегда влево смотрел, я – вправо, а ты... *(засыпает)*. В общем, будь проще, и люди к тебе потянутся...

Л е н о ч к а. Они ко мне и так тянутся. Болван! *(обращаясь к небесам)*.

Господи! Дай мне сил, изменить то, что я могу изменить... Где же Гена?

А л и с а. Думаю, пошел заводить паровоз...

Л е н о ч к а. Зачем?

А л и с а. Вероятно, чтобы ехать.

Л е н о ч к а. Сомневаюсь, что он умеет это делать.

А л и с а. А это не важно. Главное – попытка. Кроме того, мне кажется, ему бесполезно объяснять, что он не заканчивал курсы вождения паровозов.

Л е н о ч к а. Наверно. Ему всегда было бесполезно что-либо объяснять... Очередной каприз. Пускай... *(достает трубку, набивает)*. Никогда мне не везло с мужиками. Никогда... Вот и живу, как придется. Как попало, живу. *(ложится, затягивается)*. Вам с Мишей хорошо: ваши рыбки вправо смотрят, в одном направлении, а любовь – это и есть смотреть в одном направлении. Даже не друг на друга. Не говоря уж...

А л и с а. Да какая любовь, Елена Павловна? Туда-сюда-обратно? Тебе и мне приятно?

Л е н о ч к а. Фу, какая ты пошлая! Обыкновенная любовь.

А л и с а. Да что с вами, в конце концов?! Плохо вам?

Л е н о ч к а. Нормально! *(затягивается еще раз)*.

А л и с а. Вы ж на работе! Сейчас не время. После!

Л е н о ч к а. Не смей меня, детка! После будет поздно. Время уйдет в песок... *(пауза)*. Время белить холсты... *(передает трубку Алисе)*. Знаешь, как трудно найти утраченное время, особенно, если его там нет?

А л и с а *(берет трубку)*. Где там?

Л е н о ч к а. Там...

А л и с а. Странные речи, ей-богу... *(затягивается)*. Он что, очень бедный?

Л е н о ч к а. Кто? Гена? Скорее, наоборот... богатый.

А л и с а. Но... ведь у него нет денег на поезд, не говоря уж про самолет.

Л е н о ч к а. Еще бы! Ему даже негде жить. Влез в долги, продал квартиру, теперь сидит в мастерской.

А л и с а. В мансарде?

Л е н о ч к а (*ухмыляясь*). В подвале. В грязном сыром подвале. Даже из окна не прыгнешь...

А л и с а. И вид из этого окна, должно быть, соответствующий: мечта Достоевского.

Л е н о ч к а. Пожалела?

А л и с а. Пожалела. И пожелала... Ревнуете?

Л е н о ч к а. Нет... Забирай. Угощаю!

А л и с а (*после небольшой паузы*). Да! Скверно... Неужели, он совсем ничего не зарабатывает?

Л е н о ч к а. Ну, почему? Иногда продает картины.

А л и с а. Как же вы с ним жили? Трудно, наверное?

Л е н о ч к а. Трудно жить в одной комнате с идеалом.

А л и с а. А он?

Л е н о ч к а. Он обыкновенный. Быть может, чуть добрее, талантливее, умнее меня. Но он живет не здесь и не сейчас, даже не в прошлом, а где-то там, между прошлым и настоящим...

А л и с а. А вы?

Л е н о ч к а. Я? Я в порядке... (*смотрит в зеркальце, после паузы*). Потому что знаю, как течет время. Оно «проходит сквозь стекла, не оставляя трещин... Старики сидят в тени дерева возле дома, и видят в играющих девочках взрослых и грустных женщин»...*** (*пауза*). Ты когда-нибудь наблюдала себя со стороны? Нет, не в зеркало, конечно, это я так... Тебе случалось проходить мимо своего прошлого? Это довольно странное ощущение. Знаешь, я вчера имела счастье себя повстречать. В метро. В переходе. Вечером. Себя – маленькую девочку, десять лет назад... Да, я была там... В синем свитере и черных джинсах. Это я играла на флейте песню одинокого пастуха, это я пасла электрички, а мимо шагала уставшая толпа разочарованных за день людей. И шляпа моя лежала на грязном полу. Я играла им долго и грустно, и они бросали монетки. Чтобы вернуться. Потому что каждый вечер они возвращаются сюда, в переход. А я возвращаюсь домой, туда, где по сей день живет мой старый отец, но нет меня. И мне становится страшно... И только время бренчит по карманам мелочью... и зареветь я уже не могу, понимаешь, не могу...

Затемнение. Звучит куплет песни «Проводница». Постепенно свет зажигается, появляется Леночка. Идет босиком, одета немного по-детски. За собой на веревочке везет маленький паровозик.

Занавес

*Давид Самойлов, **Курт Воннегут, ***Константин Никитин